

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М.В. ЛОМОНОСОВА

На правах рукописи

Булгаков Андрей Эдуардович

**Особенности действия конституционно-правовых гарантий
свободы слова в социальных сетях (опыт России и зарубежных
стран)**

Специальность 5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата юридических наук

Москва – 2024

Диссертация подготовлена на кафедре конституционного и муниципального права юридического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

Научный руководитель – **Кененова Ирина Павловна**,
кандидат юридических наук, доцент

Официальные оппоненты – **Васильева Татьяна Андреевна**,
доктор юридических наук, доцент, ФГБУН
«Институт государства и права
Российской академии наук», сектор прав
человека, главный научный сотрудник;
Конюхова (Умнова) Ирина Анатольевна,
доктор юридических наук, профессор,
ФГБУН «Институт научной информации
по общественным наукам Российской
академии наук», отдел правоведения,
главный научный сотрудник;
Салихов Дамир Равильевич, кандидат
юридических наук, ФГАОУ ВО
«Национальный исследовательский
университет «Высшая школа экономики»,
факультет права, департамент
публичного права, доцент.

Защита диссертации состоится «24» октября 2024 г. в 15 часов 30 минут на заседании диссертационного совета МГУ.051.4 Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова по адресу: Москва, Ленинские горы, д.1, стр.13-14, 4-й учебный корпус, Юридический факультет, ауд.536а.

E-mail: dissovet@law.msu.ru

С диссертацией можно ознакомиться в отделе диссертаций научной библиотеки МГУ имени М.В. Ломоносова (Ломоносовский просп., д. 27) и на портале: <https://dissovet.msu.ru/dissertation/3117>.

Автореферат разослан «__» сентября 2024 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета,
доктор юридических наук, доцент

А.А. Троицкая

I. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. Ежедневно пользователи социальных сетей публикуют миллионы единиц контента – текстов, длинных и коротких видео, комментариев к записям других пользователей. На первый взгляд, никто не упорядочивает данный информационный поток. Однако это не совсем так. Владельцы социальных сетей занимаются модерацией пользовательского контента – удаляют или каким-либо образом ограничивают доступ к информации. Причем они подчас следуют не только законодательно установленным правилам (как в случае удаления экстремистских материалов), но и включают в перечни запрещенной информации достаточно спорные с правовой точки зрения категории¹. Это может приводить к неоднозначным решениям.

Одним из спорных случаев модерации такого контента стало удаление социальной сетью Facebook² фотографии «Ужас войны» (The Terror of War, 1972 г.) в связи с нарушением правил платформы о запрете размещения порнографии. Снимок, запечатлевший убегающих от атаки напалмом детей, стал одним из главных символов провала войны во Вьетнаме и вошел в историю журналистики (автор снимка, фотокорреспондент Associated Press Ник Ут (Nick Ut), получил за свою работу Пулитцеровскую премию в 1973 г.). Несмотря на это, корпорация посчитала недопустимым размещение подобного снимка на своей площадке. Таким образом, сложившийся в эпоху традиционных медиа (газеты, радио, телевидение) стандарт был оспорен новыми социальными медиа платформами³.

¹ К примеру, платформы запрещают размещение шокирующего или не деликатного контента. См., напр.: Правила YouTube. URL: https://support.google.com/youtube/topic/2803176?hl=ru&ref_topic=6151248-&sjid=15801259203374565713-EU (дата обращения: 18.04.2024).

² Деятельность американской транснациональной холдинговой компании Meta Platforms Inc. по реализации продуктов-социальных сетей Facebook и Instagram на территории Российской Федерации запрещена по основаниям осуществления экстремистской деятельности решением Тверского районного суда от 21 марта 2022 года по делу № 02-2473/2022. Организация включена в Перечень общественных объединений и религиозных организаций, в отношении которых судом принято вступившее в законную силу решение о ликвидации или запрете деятельности по основаниям, предусмотренным Федеральным законом от 25 июля 2002 года № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» (под номером 96). См.: URL: <https://minjust.gov.ru/ru/documents/7822/> (дата обращения: 12.09.2024).

³ См.: Ibrahim Y. Facebook and the Napalm Girl: Reframing the Iconic as Pornographic. Social Media + Society. Vol. 3. No. 4. 2017. URL: <https://doi.org/10.1177/2056305117743140> (дата обращения: 18.04.2024).

Эти и другие казусы в модерации контента показывают: частные компании, владеющие социальными сетями, выполняют государственные по своей сути функции – они определяют, где проходит граница допустимой реализации свободы слова в цифровом пространстве, наказывают нарушителей и даже выносят финальные решения в спорных ситуациях. Во многом такое положение дел обусловлено посреднической ролью социальных сетей и длительным периодом отсутствия общего регулирования модерации контента со стороны государств.

Социальные сети постоянно расширяют арсенал инструментов ограничения свободы слова своих пользователей. В течение последних нескольких лет они изобрели (или адаптировали к цифровым реалиям) способы ограничения этого права ранее недоступные традиционным медиа. К ним можно отнести *маркировку контента*, когда платформа дополняет материалы пользователя информационными сообщениями о контексте высказывания, *теневое блокирование контента*, то есть автоматическое (с использованием основанных на машинном обучении систем) или произвольное ограничение доступа к контенту без уведомления гражданина, и *блокирование аккаунтов* пользователей, выражающееся в одностороннем и, в некоторых случаях, бессрочном отказе от оказания услуг цифровой платформой.

Меняется и круг субъектов – участников механизма реализации правил поведения в сети. В модерации контента все больше принимают участие некоммерческие организации, объективность и независимость которых не всегда обеспечивается нормами права. Кроме того, отдельные социальные сети идут по пути формирования квази-судебных органов для разрешения споров об удалении контента. Наблюдательный совет компании Meta был

Термины «социальные медиа платформы» и «социальные сети» в тексте диссертации используются в качестве синонимов.

создан в 2021 году и успел вынести к моменту написания этих строк 81 решение⁴.

Деятельность упомянутых организаций, как и перечень запрещенной к публикации информации, а также порядок применения инструментов модерации контента, устанавливаются нормами саморегулирования платформ, например, в форме правил использования социальных сетей или стандартов сообщества. Эти документы содержат обязательные для пользователей правила поведения, подкрепляемые упомянутыми выше мерами «платформенного» принуждения. По существу платформы подменяют государство на позиции главного гаранта прав и свобод человека в цифровом пространстве, в том числе свободы слова.

Фактическое смещение государства с позиции основного гаранта прав и свобод в сети особенно заметно на примере ограничения свободы высказываний носителей властных полномочий. Например, большие споры вызвало блокирование аккаунтов бывшего президента Соединенных Штатов Дональда Трампа на крупных цифровых площадках в связи с размещением им предполагаемых призывов к штурму Капитолия. Модераторы нескольких социальных сетей посчитали записи президента противоречащими правилам платформ о запрете размещения призывов к насилию. Судебные разбирательства о наличии в данных постах экс-президента подстрекательства к мятежу на момент подготовки текста еще продолжаются. Этот случай не оставляет сомнений – частным компаниям подвластно ограничить свободу слова *любого* пользователя платформы в любое время, с достаточным правовым обоснованием или вовсе без такового. Корпорации не остановятся, даже если речь идет о президенте страны, где расположены их штаб-квартиры.

Также стоит обратить внимание и на то, как социальные сети меняют коммуникацию органов государственной власти, подведомственным им организаций и граждан. Почти все органы власти Российской Федерации

⁴ Перечень решений см.: Case decisions and policy advisory opinions. URL: <https://www.oversightboard.com/decision/> (дата обращения: 07.05.2024).

сегодня ведут страницы в социальных сетях⁵, постоянно расширяется присутствие на платформах региональных властных структур⁶. Эти и другие изменения социальной жизни, порой принимающие форму кризисов, формируют потребность в установлении прозрачных правил поведения в сети, учитывающих интересы пользователей, частных компаний и государства.

Не удивителен поэтому наблюдаемый в последнее время стремительный рост нормативного регулирования деятельности цифровых платформ как в Российской Федерации, так и за рубежом. Особо показателен пример Европейского Союза, где совсем недавно в силу вступили нормы Акта о цифровых услугах⁷, проблемы реализации которого заслуживают внимательного изучения. Сказанное в равной степени относится и к возникающим в законотворческой и правоприменительной практике проблемам регулирования деятельности социальных сетей в Соединенных Штатах.

Перечисленные социальные, политические, правовые изменения и практические проблемы определяют необходимость «настройки» системы гарантий свободы слова граждан в социальных сетях и говорят об актуальности настоящего исследования.

Степень научной разработанности темы исследования. Проблеме установления эффективных конституционных гарантий прав и свобод, в том числе свободы слова, а также смежным вопросам посвящены труды С.А. Авакьяна, Н.А. Богдановой, Т.А. Васильевой, Н.В. Варламовой, Л.Д. Воеводина, А.В. Должикова, К.А. Ивановой, А.И. Ковлера, И.А. Конюховой (Умновой), Е.А. Лукашевой, А.Н. Медушевского,

⁵ См.: Открытость государства в России – 2023. URL: <https://ach.gov.ru/upload/iblock/fa0/-mmjmi9q6gdf48cuu2fllhk5mp0z70k8l.pdf> (дата обращения: 01.01.2024).

⁶ См.: В России все города и районы запустили официальные паблики во «ВКонтакте». URL: <https://dialog.info/v-rossii-vse-goroda-i-rajony-zapustili-oficialnye-pabliki-vo-vkontakte/> (дата обращения: 01.01.2024).

⁷ Regulation (EU) 2022/2065 of the European Parliament and of the Council of 19 October 2022 on a Single Market For Digital Services and amending Directive 2000/31/EC (Digital Services Act) // Official Journal of the European Union. L 277. 27.10.2022. P. 1–102.

Е.В. Немчиновой, А.Г. Румянцева, Д.Р. Салихова, А.А. Троицкой, И.Г. Шаблинского и других ученых.

К исследованию публично-правового аспекта прав человека в цифровой среде обращались А.А. Антопольский, И.Л. Бачило, Н.С. Волкова, Н.А. Воронина, В.Н. Галузо, Д.И. Дедов, А.С. Емельянов, А.А. Ефремов, В.Д. Зорькин, Н.А. Канафин, А.Н. Курюкин, В.А. Лекторский, В.Н. Монахов, М.Ю. Середа, О.Л. Солдаткина, Э.В. Талапина, Т.Я. Хабриева, Н.Н. Черногор.

Проблемами правового регулирования деятельности цифровых платформ в Европейском Союзе занимаются А. Бредфорд (A. Bradford), М. Буйтен (M. Buiten), И. Голдман (E. Goldman), Дж. Де Григорио (G. De Gregorio), М. Хусовец (M. Husovec) и другие исследователи. Анализу правового регулирования деятельности социальных сетей в Соединенных Штатах уделяют внимание Дж. Балкин (J. Balkin), А. Бредфорд (A. Bradford), Е. Волох (E. Volokh), К. Клоники (K. Klonek), Дж. Коссеф (J. Kossef), Л. Эдвардс (L. Edwards) и другие авторы.

Отдельные смежные проблемы, связанные с темой настоящего исследования, также пользуются вниманием ученых. Например, проблемы присутствия органов государственной власти и должностных лиц в социальных сетях рассматривали А.В. Аверин, Д.А. Авдеев, И.В. Погодина, О.Г. Филатова и другие авторы. Вопросам политической экономии цифровых платформ посвящены труды Н. Срничека (N. Srnicek), В. Лехдонвирта (V. Lehdonvirta), Ш. Зубофф (S. Zuboff) и других ученых.

На уровне диссертационных исследований изучение конституционно-правовых гарантий свободы слова в социальных сетях не проводилось. Теоретическое осмысление вопросов установления и действия конституционных гарантий прав человека осуществлялось на уровне кандидатских диссертаций в исследованиях Л.Ю. Грудыной «Особенности конституционных гарантий реализации прав человека в России : На примере гражданского судопроизводства» (Москва, 2004 г.) и Л.Н. Федоровой «Механизм юридических гарантий конституционных прав и свобод человека

и гражданина в Российской Федерации» (Волгоград, 2007 г.), а также на уровне докторской диссертации Е.Н. Хазова «Конституционные гарантии прав и свобод человека и гражданина в России: теоретические основы и проблемы реализации» (Москва, 2011 г.).

Общетеоретические вопросы регулирования отношений в сети Интернет рассматривались на уровне кандидатской диссертации А.С. Анисимова «Механизм правового регулирования интернет-отношений : проблемы теории и практики» (Саратов, 2019 г.) и на уровне докторской диссертации Р.Ф. Азизова «Правовое регулирование в сети интернет: сравнительно- и историко-правовое исследование» (Санкт-Петербург, 2016 г.).

Отдельные вопросы реализации свободы слова в цифровой среде анализировались на уровне кандидатских диссертаций А.А. Щербовича «Конституционные гарантии свободы слова и права доступа к информации в сети Интернет» (Москва, 2013 г.) и А.А. Максимова «Особенности конституционно-правового регулирования реализации отдельных политических прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации в сети Интернет» (Москва, 2021 г.).

Ряд исследований был посвящен свободе слова как конституционному праву граждан. Например, кандидатская диссертация А.Б. Эктумаева «Свобода слова в Российской Федерации: конституционно-правовое исследование» (Пермь, 2012 г.). Регулирование свободы слова в зарубежных странах рассматривала А.Н. Перова в исследовании на уровне кандидатской диссертации «Конституционно-правовое регулирование свободы слова в Соединенных Штатах Америки и Соединенном Королевстве Великобритании и Северной Ирландии» (Москва, 2013 г.). Право на доступ в Интернет исследовал А.И. Хаснутдинов в работе на уровне кандидатской диссертации «Право на доступ в Интернет в системе конституционных прав и свобод» (Москва, 2024 г.).

Однако системно вопрос конституционно-правовых гарантий свободы слова в социальных сетях, несмотря на обилие работ о способах и условиях обеспечения прав человека, свободе слова и правах человека в сети Интернет, рассмотрен не был. Таким образом, центральная тема настоящего исследования все еще не нашла должного освещения в научной литературе.

Объект диссертационного исследования составляют общественные отношения, складывающиеся в связи с признанием, реализацией и обеспечением свободы слова в социальных сетях; правовое регулирование указанных отношений, а также практика его применения.

Предмет исследования составляют конституционно-правовая природа и содержание гарантий свободы слова в социальных сетях; механизмы признания и гарантирования указанной свободы; нормы конституционного права и нормы саморегулирования социальных сетей, правовые позиции судов, устанавливающие и уточняющие особенности реализации и обеспечения свободы слова в социальных сетях, а также соответствующие положения правовой доктрины, содержащие оценки правового регулирования и практики реализации указанной свободы в социальных сетях.

Цель исследования заключается в выявлении и осмыслении особенностей обеспечения и ограничения свободы слова в социальных сетях, а также в обнаружении пробелов в системе конституционно-правовых гарантий свободы слова пользователей социальных сетей и разработке предложений по их восполнению.

Задачи исследования:

- установить особенности реализации конституционно-правовых гарантий свободы слова в социальных сетях;
- определить особенности ограничения свободы слова в социальных сетях;

- установить соотношение конституционно-правовых гарантий свободы слова и блокирования доступа к социальным сетям как меры, направленной на обеспечение и защиту прав человека;

- охарактеризовать сложившиеся в рамках западной правовой традиции модели систем конституционно-правовых гарантий свободы слова в социальных сетях, а также выявить особенности действия отечественных конституционно-правовых гарантий свободы слова в цифровом пространстве;

- определить особенности использования доктрины государственной речи для защиты высказываний субъектов публичной власти в социальных сетях;

- разработать критерии ограничения свободы слова должностных лиц публичной власти в социальных сетях;

- выявить особенности обеспечения свободы слова пользователей социальных сетей, обусловленные ведением органами публичной власти официальных страниц.

Теоретическая основа диссертации состоит из научных концепций, суждений, аналитических выводов и оценок отечественных и зарубежных ученых, содержащихся в их публикациях (монографиях, статьях, диссертационных исследованиях, авторефератах диссертаций, учебной литературе) по вопросам юридических гарантий прав человека, цифровых прав человека, реализации свободы слова, в том числе в онлайн среде, а также в научных работах на другие смежные темы. Кроме того, автор обращался к идеям исследователей политической экономии цифровых платформ.

Методологическая основа исследования представлена общенаучными и частнонаучными методами исследования.

Общенаучные методы дедукции и индукции, анализа и синтеза применялись автором в той или иной степени для решения всех поставленных в исследовании задач. Системный метод исследования позволил автору обнаружить пробелы в нормативном регулировании цифровых платформ и предложить варианты их восполнения. Метод обобщения и систематизации

был использован для выявления и формулирования особенностей основных моделей регулирования деятельности цифровых платформ.

Такие частнонаучные методы как формально-юридический и историко-правовой позволили изучить эволюцию правил деятельности цифровых платформ в различных правовых порядках и сделать прогноз развития нормативного регулирования. Сравнительно-правовой метод использован автором для исследования зарубежного законодательства и судебных доктрин, перспектив их применения в отечественном правовом порядке.

Нормативная правовая база исследования состоит из Конституции Российской Федерации, Федерального закона от 27 июля 2006 года № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и защите информации» (далее – закон от 27 июля 2006 года № 149-ФЗ об информации)⁸, Акта Европейского Союза о цифровых услугах 2022 года (Digital Services Act), Акта Соединенных Штатов о соблюдении приличий в коммуникациях 1996 года (Communications Decency Act)⁹ и других законодательных и подзаконных актов Российской Федерации и зарубежных государств, организующие общественные отношения с участием владельцев социальных сетей, пользователей платформ, некоммерческих организаций, должностных лиц публичной власти, а также публичных органов власти. Кроме того, в исследовании были использованы акты саморегулирования цифровых платформ (правила использования социальных сетей, стандарты сообщества и иные документы).

Эмпирическая база исследования состоит из правоприменительных актов органов государственной власти, прежде всего, судов (Конституционного Суда Российской Федерации, Верховного Суда Российской Федерации, судов общей юрисдикции, Верховного Суда США, окружных федеральных судов Соединенных Штатов, Европейского Суда по правам человека и других институтов). Также были использованы документы

⁸ Собрание законодательства Российской Федерации. 2006. № 31 (1 ч.). ст. 3448.

⁹ Communications Decency Act. 2 August 1996. URL: <https://www.congress.gov/bill/104th-congress/senate-bill/652/text> (дата обращения: 30.09.2023).

квази-судебных органов по разрешению споров, доклады некоммерческих организаций и прочие материалы.

Выбор юрисдикций обусловлен главным образом тем, что Соединенные Штаты и Европейский Союз на данный момент остаются основными законодателями в цифровой сфере. Принятые в указанных правовых порядках нормативные положения имеют глобальное значение в силу нескольких обстоятельств, среди которых на первом плане выходит объем рынка цифровых услуг. При этом обе юрисдикции продвигают свои собственные подходы к регулированию цифрового сектора. Первый из них основан *преимущественно* на саморегулировании, а второй предполагает законодательное регулирование *с элементами* саморегулирования. Эффективные правовые решения могут быть найдены на основе комбинации наиболее удачных разработок, созданных в рамках указанных двух подходов. Заимствование этих решений возможно в силу универсального характера влияния социальных сетей на реализацию свободы слова пользователей платформ в разных странах.

Научная новизна исследования. В диссертации обосновано применение в отношении частных компаний – владельцев социальных сетей – конституционно-правовых ограничений. Выявлены и описаны особенности ограничения свободы слова пользователей социальных сетей. Исследовано участие некоммерческих организаций в модерации контента. Предлагается юридический критерий ограничения доступа к социальным сетям. Обобщено и систематизировано знание о зарубежных доктринах государственной речи и охлаждающего эффекта. Сформулированы критерии блокирования аккаунтов должностных лиц публичной власти в социальных сетях. Выявлены юридические проблемы, возникающие в связи с ведением официальных страниц органов власти, подведомственным им организаций, и обосновано наделение таких страниц специальным статусом.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Дополнительные конституционно-правовые гарантии свободы слова в социальных сетях необходимы, поскольку ее *реализация* в цифровых медиа, отличается от реализации в медиа традиционных, равно как и *ограничения* указанной свободы на диджитал-платформах иные, чем вне сетевой сферы. Использование свободы слова в сети отличает отсутствие предварительного редактирования записей пользователей со стороны централизованной (иерархической) структуры на подобии редакции средства массовой информации. Инициатива размещения сообщения находится в руках его автора и не принадлежит владельцу платформы.

Сетевой (децентрализованный) характер распространения информации в социальных медиа изменил характер, способы и механизмы ограничения свободы слова граждан в сети Интернет. Во многих случаях это отрицательно сказалось на обеспечении указанной свободы пользователей платформ. Ограничение социальными сетями свободы слова их пользователей имеет следующие особенности:

во-первых, это трансграничный характер регулирования, осуществляемого платформами, независимо от того, ориентируются они на международные правовые документы (например Акт Европейского Союза о цифровых услугах 2022 года) или национальное законодательство (Акт Соединенных Штатов о соблюдении приличий в коммуникациях 1996 года), приемы и способы ограничения свободы слова в рамках западной традиции права демонстрируют тенденцию к универсализации;

во-вторых, социальные сети применяют недоступные традиционным медиа инструменты ограничения свободы слова: маркировку контента (сопровождение опубликованного материала дополнительной информацией), теневое блокирование (модерация контента без уведомления пользователя) и блокирование аккаунтов (односторонний отказ от предоставления услуг пользователю платформы);

в-третьих, социальные сети привлекают к модерации контента некоммерческие организации, независимость и прозрачность деятельности которых должны быть законодательно обеспечены;

в-четвертых, социальные сети могут создавать собственные квази-судебные органы для разрешения споров с пользователями платформ; независимость таких организаций, доступность обращения к ним для граждан и реализация владельцами социальных сетей решений данных организаций должны быть обеспечены конституционно-правовыми нормами.

2. Отсутствие предварительного редактирования записей пользователей не означает допустимости любых высказываний в пространстве социальных сетей. Платформы устанавливают ограничения *обязательные* для всех пользователей. Последние в силу популярности и значимости социальных сетей в жизни современного человека далеко не всегда имеют реальную возможность отказаться от услуг той или иной платформы. Таким образом под видом добровольных соглашений владельцы социальные медиа устанавливают фактически обязательные нормы поведения для пользователей сервисов. Тем самым частные компании реализуют публичную функцию по нормативному регулированию и контролю за реализацией правил поведения в сети. Это делает возможным рассмотрение цифровых платформ через призму доктрины эманации (расширения) государства. Поэтому на социальные сети должны распространяться конституционно-правовые нормы, изначально направленные на ограничение государственных полномочий, следовательно принимаемые диджитал-компаниями *стандарты* поведения должны *обеспечивать конституционные* права пользователей социальных сетей.

При этом необходимо исходить из *баланса* интересов всех участников соответствующих отношений – пользователей, государства и цифрового бизнеса. Пользователям должна быть реально обеспечена свобода слова, государству – возможность контролировать деятельность социальных сетей и влиять на установление границ допустимости высказываний в них, а бизнесу – сохранена свобода экономической деятельности, которой нередко угрожает

чрезмерное вмешательство государства. Достичь баланса этих трех разнонаправленных интересов возможно с опорой на *универсальные конституционно-правовые гарантии прав пользователей платформ*.

Распространению данных гарантий на цифровую среду способствуют ее трансграничная сетевая природа, а также финансовые интересы владельцев платформ. Данные гарантии выражаются, прежде всего, в конституционно-правовых принципах, которым должны соответствовать нормы саморегулирования платформ и их решения. Это принципы *соразмерности ограничений, баланса интересов всех участников отношений (пользователей, бизнеса и государства), мотивированности решений платформ, а также возможности их обжалования*.

3. Блокирование государством социальных сетей в целях защиты прав граждан, как показывает практика, может привести к нарушению баланса интересов государства, частных компаний и пользователей. Во-первых, оно не всегда приводит к достижению заявленной цели. В заблокированных социальных сетях продолжается распространение нелегального контента. Во-вторых, социальные сети (и другие бизнес-структуры) теряют возможность реализовывать свободу экономической деятельности. Наконец, блокировка социальных сетей приводит к охлаждающему эффекту.

«Охлаждающий эффект» можно определить как косвенное ограничение конституционного права лица, вынужденного отказаться от его реализации с целью избежать неблагоприятных для себя последствий (к примеру, уголовного преследования). Использование доктрины охлаждающего эффекта для анализа решений (действий) органов и должностных лиц государственной власти делает возможным исключение непропорционального ограничения как свободы слова, так и других конституционных прав.

Данная доктрина имеет характер *универсального* инструмента защиты прав. *Во-первых*, она применяется в различных правовых системах, относящихся к англосаксонской и континентальной системам. *Во-вторых*, в обеих правовых

системах доктрина охлаждающего эффекта используется судами в случаях ограничения многих, если не всех, конституционных прав.

Правовым критерием блокировки социальных сетей, *исключающим* применение доктрины охлаждающего эффекта, может быть *отказ* платформ от соблюдения обязательств (как взятых на себя добровольно, так и возложенных государством) по противодействию распространения контента, содержащего язык вражды или призывы к насилию.

4. Возможно выделить две модели установления конституционно-правовых гарантий свободы слова пользователей социальных сетей: *американскую* – основанную на нормах саморегулирования цифровых платформ; и *европейскую* – основанную на комбинации саморегулирования и законодательного регулирования. Китайский опыт регулирования платформ остается за рамками этой классификации, поскольку развитие системы конституционно-правовых гарантий свободы слова не относится к приоритетным задачам законодателя в этой юрисдикции.

В целом российскую систему конституционно-правовых гарантий можно отнести к европейской разновидности. Однако отличительной особенностью отечественного подхода является обязанность социальных сетей осуществлять мониторинг контента, то есть предпринимать инициативные, дальновидные, ответственные (проактивные) действия, направленные на поиск и удаление нелегального контента. Это позволяет охарактеризовать российский подход как более жесткий, поскольку он налагает внушительные обязанности на владельцев цифровых сервисов.

5. К числу установленных российским законодательством конституционно-правовых гарантий свободы слова в социальных сетях относятся закрепление перечня нелегального контента, требования к прозрачности деятельности социальных сетей, правила о мотивированности решений при модерации контента и возможности их обжалования, наделение Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) полномочиями по осуществлению

контроля за соблюдением требований в связи с распространением информации в сети Интернет, а также в некоторых случаях полномочия данной службы по участию в процессе рассмотрения жалоб на пользовательский контент и другие гарантии.

В то же время в российском законодательстве остаются неурегулированными вопросы маркировки контента, теневого блокирования, блокирования аккаунтов пользователей, участия НКО в модерации контента, разрешения споров с участием пользователей социальных сетей, а также отдельные проблемы реализации свободы слова в социальных сетях субъектами, наделенными публичной властью.

6. Как показывает практика, ни государственные органы, ни владельцы социальных сетей не способны самостоятельно эффективно контролировать высказывания в сети. Первые – в силу низкой скорости принятия решений, вторые – поскольку в первую очередь преследуют финансовые цели и не готовы нести чрезмерные затраты на модерацию. Таким образом, *существующая* (централизованная) модель модерации цифрового пространства *неэффективна* – социальные сети по-прежнему наполнены противоправным контентом и недостоверной информацией, а попытки адаптировать ее к цифровым реалиям не всегда положительно влияют на систему конституционно-правовых гарантий свободы слова.

Наиболее перспективным путем развития системы контроля за высказываниями в социальных сетях в России представляется расширение участия НКО в модерации контента. Общественная (децентрализованная) модель контроля за высказываниями в сети выгодна для всех сторон: *гражданское общество* приобретет цифровое пространство, свободное от нелегального контента; *цифровые компании* снизят издержки на модерацию контента и тем самым повысят операционные показатели; *государство*, в свою очередь, получит возможность избавиться от негативной репутации в области контроля над цифровым пространством и восстановить легитимность действий органов власти в цифровой сфере.

Для внедрения общественной модели модерации контента законодателю необходимо:

во-первых, установить особый статус НКО – «друзей платформ» и определить перечень критериев наделения таким статусом, которые должны быть объективны;

во-вторых, установить требование прозрачности деятельности друзей платформ, в том числе их взаимодействия с цифровыми платформами и органами государственной власти;

наконец, урегулировать участие НКО в разрешении споров о допустимости тех или иных высказываний между владельцем платформы и ее пользователем.

Опыт Наблюдательного совета компании Meta показывает, что для организаций по разрешению такого рода споров характерны три проблемы: *легитимности, исполнения решений и доступности* для пользователей. Их преодоление возможно конституционно-правовыми средствами. Для этого необходимо, по крайней мере, законодательно установить *гарантии* исполнения решений таких организаций, *критерии* приемлемости жалоб, *требования* к составу арбитров. В круг предполагаемых судей должны входить видные общественные деятели с безупречной репутацией – представители некоммерческого сектора, искусства, образования и науки, духовенства и других сфер общественной жизни. Отсутствие в этом перечне представителей государства вовсе не означает умаления его интересов. Достаточно того, что государство устанавливает общие правила взаимодействия в сети и будет лицензировать деятельность организаций по разрешению споров.

7. Для развития системы отечественных конституционно-правовых гарантий свободы слова в сетевом пространстве полезно учесть зарубежный опыт применения доктрин *«государственной речи»* и *«охлаждающего эффекта»*. Высказывания должностных лиц и других представителей публичной власти в социальных сетях могут пользоваться особой защитой на

основании первой из названных доктрин, когда данные субъекты выступают в качестве спикеров. Но для получения такой защиты высказывания данных лиц должны отвечать двум критериям: обнародованное суждение соответствует компетенции носителя публичной власти и способствует цели демократического самоуправления. Вместе с тем представители публичной власти не должны допускать таких высказываний в социальных сетях, которые мотивировали бы других пользователей платформ к отказу от реализации своей свободы слова. Иными словами, высказывания политиков не должны приводить к возникновению «охлаждающего эффекта», о чем и предупреждает одноименная доктрина.

8. Отечественный и зарубежный опыт *регулирования* высказываний представителей публичной власти, включая вопросы их *ответственности* за обнародованные суждения, показывает, что ограничение свободы слова данных лиц следует признать обоснованным при соблюдении нескольких критериев, которые необходимо учитывать как вне виртуального пространства, так и в сети Интернет :

во-первых, высказывание должно быть направлено на осуществление публичной функции лица, хотя может состояться и без непосредственной опоры на предоставляемые ему законом полномочия;

во-вторых, суждение лица не содействует продвижению конституционных ценностей;

в-третьих, необходимо доказать наличие противоправного умысла у автора высказывания, а также реальной и серьезной угрозы конституционному правопорядку, которое станет следствием выступлений в социальной сети;

наконец, следует сопоставить политические последствия привлечения политика к ответственности (прежде всего, возможность негативной реакции общества на наказание лица) и тяжесть правонарушения.

9. *Официальные страницы* органов публичной власти и подведомственных им организаций в социальных сетях следует наделить специальным правовым статусом. Такой статус необходим для ограничения

свободы усмотрения владельцев социальных сетей в отношении данных страниц и обеспечения свободы слова пользователей платформ. В последнем случае правила модерации контента на официальных страницах должны допускать большую меру свободы слова пользователей платформ, поскольку степень допустимости критики в отношении властных органов выше, чем в отношении частных субъектов. Кроме того, необходимо выработать единый подход к модерации контента на официальных страницах публичных субъектов для обеспечения равных возможностей пользователей платформ выражать свое мнение о деятельности, в том числе решениях различных органов власти.

Теоретическая значимость исследования. Результаты исследования развивают и дополняют теорию конституционного права, концепцию прав человека. Разработанный понятийный аппарат и выводы диссертации могут быть использованы в дальнейших исследованиях регулирования, охраны и защиты прав человека в связи с деятельностью цифровых платформ и других частных компаний (сфера «бизнес и права человека»), концепции цифрового конституционализма и при работе в других направлениях научного поиска.

Практическая значимость исследования. Сформулированные в исследовании рекомендации могут быть использованы в законотворческой деятельности органов государственной власти и при подготовке норм саморегулирования социальных сетей для устранения пробелов в установлении гарантий свободы слова пользователей платформ. Отдельные выводы автора могут быть использованы в правоприменительной практике органов государственной власти, а также в деятельности цифровых платформ, некоммерческих организаций и организаций по разрешению споров. Кроме того, результаты исследования могут быть использованы при формировании учебных планов как общетеоретических, так и специальных учебных дисциплин.

Степень достоверности результатов исследования. Выводы и рекомендации исследования достоверны, что подтверждается результатами

применения методов познания, а также институциональным и географическим разнообразием нормативного, теоретического и эмпирического материала.

Личный вклад автора. Выносимые на защиту результаты исследования получены автором лично.

Апробация результатов исследования осуществлялась в рамках выступлений автора на научных конференциях Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, в частности, в рамках доклада на Всероссийской конференции с международным участием «Эволюция права – 2022» (6-7 октября 2022 г.), выступления на XXX Международной научной конференции студентов, аспирантов и молодых учёных «Ломоносов-2023» (10-21 апреля 2023 г.), выступления на круглом столе «Медиа, искусственный интеллект и цифровой суверенитет: риски и правовые решения» (23 ноября 2023 г.), а также доклада на Международной научной конференции «Современные вызовы конституционализма» (24 мая 2024 г.). Кроме того, отдельные результаты исследования были представлены в рамках доклада на XXXII Международной научно-практической конференции «МЕДИАПРАВО – 2023» (Москва, НИУ Высшая школа экономики, 7 декабря 2023 г.) и доклада на конференции «Современный конституционализм: многомерность восприятия» (Москва, Институт государства и права Российской академии наук, 19 июня 2024 г.).

Основные результаты, положения и выводы исследования изложены в четырех публикациях автора в научных изданиях рекомендованных для защиты в Диссертационном совете МГУ.051.4 по специальности 5.1.2. – «Публично-правовые (государственно-правовые) науки».

Диссертация подготовлена и обсуждена на кафедре конституционного и муниципального права юридического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.

Структура диссертации включает введение, три главы, объединяющих девять параграфов, заключение, библиографию, два приложения.

II. СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Введение содержит обоснование актуальности и научной новизны исследования, оценку степени разработанности темы диссертации, определение объекта, предмета, цели и задач исследования, а также основные его результаты.

В первой главе «Свобода слова в социальных сетях: правовая природа и содержание» делаются теоретические обобщения необходимые для проведения исследования.

В разделе 1.1 «Конституционно-правовые гарантии свободы слова: понятие и особенности их реализации применительно к социальным сетям» показано соотношение понятий свобода слова, свобода выражения мнения, коммуникационная свобода; рассматривается понятие юридических гарантий прав человека (под ними понимаются нормативно установленные правовые средства и условия, обеспечивающие реализацию, охрану и защиту прав и свобод); представлены различные варианты классификации гарантий, раскрыто содержание *конституционно-правовых (в том числе конституционных)* гарантий, обеспечивающих свободу слова. Затем на основе доктрины горизонтального эффекта прав человека обосновывается необходимость применения в отношении социальных сетей как частных компаний конституционно-правовых ограничений, подобных тем, что призваны сдерживать органы публичной власти.

Гарантии свободы слова пользователей социальных сетей устанавливаются не только государством, но и цифровыми платформами. При этом они должны соответствовать уровню развития цифровых технологий и появлению новых инструментов ограничения свободы слова.

Вместе с тем свобода усмотрения цифровых компаний при установлении норм саморегулирования, в свою очередь, является гарантией сохранения независимости платформ от чрезмерного вмешательства государства в их экономическую деятельность. Поэтому создание

эффективных гарантий свободы слова помимо прочего предполагает *поиск баланса между правами пользователей платформ, автономией частных компаний и интересами государства.*

В разделе 1.2 «Специфика ограничения свободы слова в социальных сетях» проведен анализ характерных именно для социальных сетей способов ограничения свободы слова. К их числу относятся: *маркировка контента*, когда размещенное пользователем сообщение дополняется информацией о контексте высказывания, способной подорвать авторитет источника информации (например, в ней содержится указание на потенциально недостоверный характер высказывания); *теневое блокирование*, под которым в работе понимается модерация высказываний (сообщений) пользователя без его уведомления; *блокирование аккаунтов*, то есть односторонний отказ от предоставления услуг и вытекающая из этого потеря возможности пользователя делать публичные высказывания на платформе.

Также в данной части уделено внимание проблеме участия в модерации контента некоммерческих организаций и независимых организаций по разрешению споров об удалении публикаций пользователей, разрешение которой также способно повлиять на характер и уровень ограничения свободы слова в цифровой среде. Выявленные особенности «сетевых» ограничений требуют установления дополнительных гарантий свободы слова пользователей платформ.

В разделе 1.3 «Конституционно-правовые гарантии прав и блокирование доступа к социальным сетям в Российской Федерации» на основе рассмотрения практики применения доктрины «охлаждающего эффекта» (который понимается как косвенное ограничение конституционного права лица, вынужденного отказаться от его реализации с целью избежать неблагоприятных для себя последствий, например, в виде уголовного преследования) делается вывод о правомерности ограничения доступа пользователей к цифровым платформам в случае отказа последних от удаления высказываний, содержащих язык вражды или призывы к насилию.

Вторая глава «Динамика нормативного компонента конституционно-правовых гарантий свободы слова, реализуемой в социальных сетях: опыт отдельных стран» посвящена анализу законодательства трех юрисдикций – Соединенных Штатов, Европейского Союза и Российской Федерации.

В разделе 2.1 «Модель конституционно-правовых гарантий свободы слова пользователей социальных сетей в США» делается вывод о наиболее высокой по сравнению с другими правовыми порядками степени свободы усмотрения платформ в отношении пользовательского контента. Иммунитет платформ в США не является абсолютным, но они освобождаются от ответственности на основании секции 230 Акта о соблюдении приличий в коммуникациях даже в тех случаях, когда речь идет о противоправных действиях самих платформ, а не их пользователей. Пересмотр сложившегося нормативного комплекса Верховным Судом США видится маловероятным.

В разделе 2.2 «Европейская модель конституционно-правовых гарантий свободы слова в социальных сетях» делается вывод о сравнительно меньшей свободе усмотрения платформ в Европейском Союзе при модерации пользовательского контента, что стало результатом принятия Акта о цифровых услугах. В новом Акте европейскому законодателю удалось провести систематизацию требований к цифровым платформам и ограничить их свободу усмотрения в модерации контента, учесть некоторые особенности ограничения свободы слова пользователей социальных сетей, упорядочить участие некоммерческих организаций в модерации контента, были также введены требования к внесудебному разрешению споров о контенте при посредничестве третьих лиц.

К недостаткам европейского регулирования можно отнести: *отсутствие* определения нелегального контента на общеевропейском уровне; *неограниченность* возможностей администраторов социальных сетей по маркировке контента, а также *сохранение* параллельной системы *взаимоотношений* третьего сектора и владельцев платформ, на которую не распространяются нормативные требования о раскрытии информации.

В разделе 2.3 «Особенности российской модели конституционно-правовых гарантий свободы слова в социальных сетях» делается вывод о том, что российское законодательство *не учитывает* появления новых способов ограничения свободы высказывания пользователей платформ и участие некоммерческого сектора в соответствующих отношениях. Отличительной чертой отечественного подхода к модерации контента можно считать *наличие обязанности* социальных сетей осуществлять его мониторинг и, следовательно, проявлять инициативу по удалению противоправных высказываний (сообщений) пользователей. При этом существенным пробелом российского законодательства является *отсутствие* возможности обжаловать некоторые решения социальных сетей. В частности, пользователи не могут обжаловать в административном порядке удаление контента, если их сообщения, по мнению социальной сети, содержат охраняемую законом тайну, экстремистские материалы и некоторые другие виды информации.

В третьей главе «Реализация свободы слова в социальных сетях субъектами публичной власти: опыт сравнительного анализа» уделено внимание проблеме высказываний в социальных сетях субъектами, наделенными публичной властью (должностными лицами публичной власти, федеральными и региональными парламентариями и т.д.). Рассмотрение отношений с платформами наиболее «сильного» в ряду пользователей субъекта (круга субъектов) позволяет убедиться в том, что цифровые платформы не просто *могут* перехватить ведущую роль государства в обеспечении прав человека в сети, но уже *делают* это.

В разделе 3.1 «Доктрина государственной речи как инструмент защиты высказываний в социальных сетях субъектов, наделенной публичной властью» сделан вывод о возможности применения доктрины *государственной речи* для защиты высказываний указанного круга субъектов. При этом должностные лица не должны допускать суждений, несущих риск возникновения *охлаждающего эффекта*. В противном случае *возникает угроза «захвата» публичного форума или умаления идеологического*

многообразия.

В разделе 3.2 «Практика использования должностными лицами свободы слова и проблема правомерного ограничения их высказываний в социальных сетях» сформулированы дополнительные требования к высказываниям в социальных сетях субъектов, наделенных публичной властью. В частности, для получения защиты высказывание должно быть частью осуществления публичной функции лица, хотя может и не быть основано на конкретном полномочии; суждение должно содействовать продвижению конституционных ценностей; высказывание не должно нести реальной и серьезной угрозы конституционному порядку. Кроме того, в данном разделе обоснована необходимость (1) наделения аккаунтов таких субъектов специальным статусом (в целях предоставления защиты их высказываниям и предъявления специальных требований, связанных с содержанием публикуемой ими информации); (2) закрепления прозрачной процедуры ограничения доступа к информации на их страницах; а также (3) установления четких критериев ограничения высказываний лиц, наделенных публичной властью.

В разделе 3.3 «Особенности конституционно-правовых гарантий свободы слова пользователей социальных сетей, обусловленные ведением органами публичной власти официальных страниц» сделан вывод об отсутствии общего подхода органов публичной власти к модерации пользовательского контента на своих официальных страницах в социальных сетях. Самостоятельный подход к модерации этих официальных страниц отсутствует и у социальных сетей. В разделе делается вывод о необходимости введения законодателем специального статуса официальных страниц органов и должностных лиц публичной власти, который давал бы не обладающим властными ресурсами пользователям платформ большую свободу в обсуждении деятельности обладателей публичной власти и принимаемых ими решений.

В заключении сделаны обобщения и основные выводы исследования.

В первом приложении приведена система обязанностей цифровых платформ, установленная в Европейском Союзе. Второе приложение представляет попытку «инвентаризации» видов цифровых платформ и требования к ним, установленные Федеральным законом от 27 июля 2006 года № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (статьи 10.1, 10.3–10.7.).

III. ПУБЛИКАЦИИ АВТОРА ПО ТЕМЕ ДИССЕРТАЦИИ

Работы, опубликованные в рецензируемых научных изданиях, рекомендованных для защиты в Диссертационном совете МГУ имени М.В. Ломоносова по специальности:

1. Булгаков А.Э. Политические лидеры в социальных сетях: прозрачность ответственности // Конституционное и муниципальное право. 2023. № 5. С. 32–40 (1,1 п. л.); (2-летний ИФ РИНЦ: 1,65).

2. Булгаков А.Э. Прозрачность участия некоммерческих организаций в модерации контента цифрового пространства // Законодательство. 2023. № 12. С. 36–43 (0,5 п. л.); (2-летний ИФ РИНЦ: 0,19).

3. Булгаков А.Э. Теневое блокирование контента в социальных сетях как угроза свободе выражения мнения // Юрист. 2024. № 5. С. 38–43 (0,8 п. л.); (2-летний ИФ РИНЦ: 1,24).

4. Булгаков А.Э. Доктрина охлаждающего эффекта как универсальный инструмент защиты прав // Государственная власть и местное самоуправление. № 5. 2024. С. 18–22 (0,6 п. л.); (2-летний ИФ РИНЦ: 0,92).